

Часть 2

СВЯЩЕННЫЕ УЗЫ БРАКА.

Учение о священных узах брака прекрасно выражено Благословенным в притче «Свадебный праздник в Джамбунаде».

«Величайшее счастье, какое может вообразить смертный, - это брачные узы, связующие два любящих сердца. Но есть ещё большее счастье; это объятие Истины. Смерть разлучит мужа с женой, но смерть никогда не поразит того, кто заключил союз с Истиной. Потому соедините свою судьбу с Истиной и живите с ней в святом браке.

Муж, любящий свою жену и мечтающий, чтобы их союз длился вечно, должен быть верен ей, как сама Истина; и она будет уверена в нём, будет чтить его и помогать ему. И жена, любящая своего мужа и мечтающая, чтобы их союз длился вечно, должна быть верна ему, как сама Истина: и он будет доверять ей, он будет почитать её, он будет всем обеспечивать её. Воистину, говорю вам, их брак будет сама святость и блаженство, и дети их будут подобны своим родителям и станут свидетелями их счастья.

Пусть никто не будет одинок, пусть каждый соединится в святой любви с Истиной. И когда Мара, разрушитель, придёт отделить видимые формы вашего существа, вы пребудете с Истиной и вкусите вечной жизни, ибо Истина бессмертна». (*«Священные книги Востока», т. 19*).

Е. И. Рерих «Основы буддизма»

«Величайшее счастье, какое может вообразить смертный, - это брачные узы, связующие два любящих сердца. Но есть ещё большее счастье; это объятие Истины. Смерть разлучит мужа с женой, но смерть никогда не поразит того, кто заключил союз с Истиной». («Священные книги Востока», т. 19).

"Люди будут завидовать нам. Подумать только - мы жили в особое время, когда боги ходили среди людей, как когда-то в Древней Греции".

"Мы живём в истинно чудеснейшей эпохе человечества. И, может быть, будущие поколения создадут легенды о нас, а образы Елены Ивановны и Николая Константиновича будут окружены неувядающим лучистым ореолом. И тогда бесконечно счастливыми станут считать тех людей, которые когда-то имели возможность соприкоснуться с ними".

*Рихард Рудзитис
1939 г.*

ПРОЛОГ

«Повелите представить вам ту, которую мы зовём дочерью Великого Нага...»

ЗАВЕЩАННЫЙ МАЙТРЕЙЯ

Глаза Царевича ребёнка рано открылись на чудеса мира. Ничто не ускользало от Его проникновенного внимания,

Царь сказал: «Проницательность есть венец Владыки, но крепость руки его есть его щит. Пусть укрепит руку на тетиве лука. Пусть дети знатных Кшатриев состязаются с царевичем».

Мать Царица прибавила: «Если проницательность есть венец Владыки и крепость руки щит его, то сияние Владыки есть милость и знание. Предпочту видеть моего потомка в окружении писавших «Веды» Дев Мудрости».

Тогда старый мудрец обратился к Царю, говоря: «Мать почитаемая, и ты, Владыка, повелите мне соединить ваши желания. *Повелите представить вам ту, которую мы зовём дочерью Великого Нага, которую мы приняли в дом свой и уже семилетие, как изумляемся её мудростью и крепости её стрелы. Поистине она достойна руки, начертавшей мудрость «Вед».*

«Приведи», указал Царь.

Мудрый советник привёл молодое существо и сказал: «Майтри, пошли лучший привет нашему Царю».

Не бывало было видеть семилетнюю девочку в белом одеянии с луком в руке и кинжалом за поясом. Убор тёмных волос тяжко не слушался обруча Нага, и глаза смотрели грустно и сурово. Царь приказал: «Майтри, если ты можешь пустить стрелу, то пронзи павлина».

Майтри поклонилась Царю, сказав: «Не могу лишать животное жизни. Но позволь, Царь, пронзить яблоко на вершине яблони».

Указал Царь Майтри быть при Царевиче и много удивлялся мудрости, найденной на берегу озера.

Много лет провёл Царевич с Майтри, называя её то грозной, то сияющей, то воином, то прорицательницей мудрости Нагов.

И дверь Пути открыла Майтри.

Когда же мощный Лев вернулся и рыком Истины покрыл горы, Майтри сохранила Ему лучшую ученицу и сказала: «Она прославит место трудов Твоих».

Владыка Истины сказал: «Майтри, явленный Проводник и Держатель. Ты, сокрывший мудрость свою от толпы, Ты заступишь место Моё, как Владыка Сострадания и Труда. Майтрейя поведёт народы к Свету, и стрела подвига принесёт яблоко Знания».

Сказанное так же верно, как у места прославления Учителя воздвигнется Храм Знания.

Сказанное так же верно, как ученица Благословенного отдаст имя своё Храму Знания.

Основание явления Истины закреплено трудами жизни. Дано в Чертен Карпо.

Криптограммы Востока

«ПАМЯТЬ О ДАВНО ПРОШЕДШИХ ЛЕТАХ...»

Елена Шапошникова 12 дек.1895 г.

Николай Рерих 1893 г.

Договор Н. Рериха и А. Скалона

1) Обещаю не вести распутной жизни (как это понимает православно[ая] церковь).
2) Не вступать в связь с женщиной до брака. Не позволять себе начинать предосудительную игру с женщиной для забавы, а если сделаю это, то признаю себя подлецом.

3) Быть верным женщине, которую люблю.

Вообще не делать забавы из сношений с женщиной. Брак признаю, как таинство (не говоря о том, что это договор).

Подписи: *Александр Васильевич Скалон*
Н. Рерих

Уверен, что Рерих Николай оставаясь вполне порядочным человеком, отделается от некоторых крайностей, почерпнутых у гр. Толстого (Будет соблюдать постановления православно[й] церкви о браке, основ[анных] на текстах ... «и будут 2 плоти едины»... и «жена да прилепится к мужу».

Подписи: *А. В. Скалон*
Н. Рерих

19 Августа 1893 г.

Отдел рукописей ГТГ. ф. 44/6. 1 л.

«Недавно мне говорили товарищи: «надо бы тебе хоть влюбиться, что ли, а то ты делаешься жёстким. Что же, может быть, правда, это для меня было бы полезно, только в кого?»

Могу предложить большую награду, т.е. предложить потребовать от меня всё, что угодно тому, кто укажет в кого бы я мог влюбиться, или т. сказать, влюбит меня в себя.

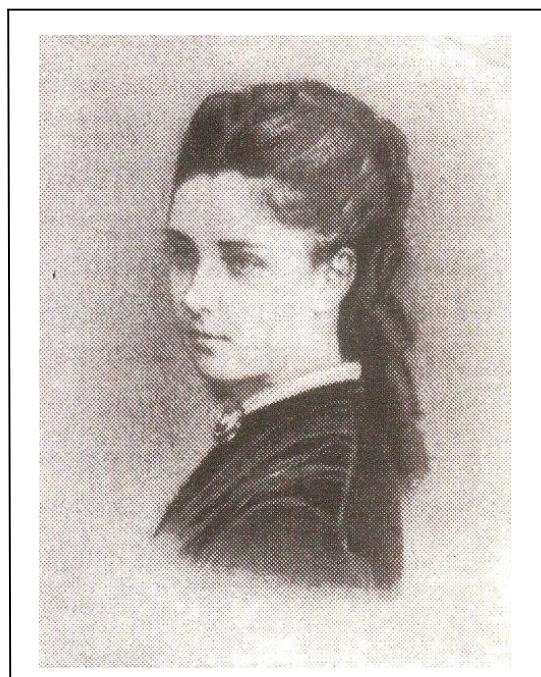
Гоголь недаром сказал “скучно на этом свете господи!”...»

Из дневника Н.К. Рериха от 6 октября 1894 г.

Лето 1899 г. (Николаю Рериху - 25 лет; Елене Шапошниковой – 20 лет.)

«В летнее время уже шли раскопки, исполнялись поручения Археологической комиссии. Во время одной такой раскопки, в Бологом, в имении князя П. А. Путятин, я встретил Ладу, спутницу и вдохновительницу: Радость!..»

Н. Рерих, «Университет». (1937 г.)

Елена Ивановна Шапошникова (Лада). 1899 г.

Из дневника З. Г. Фосдик «Мои Учителя»:

«Сегодня Е.И. опять очаровательно рассказывала, как она первый раз познакомилась с Н.К., когда он приехал в Бологое, имение её тётки княгини Путятиной, где она тогда гостила. Приехал он вечером. «Сначала, - говорит Е.И., - через окно прямо на балкон шагнула пыльная нога или, вернее, пыльный сапог». Е.И. подошла к окну, а Н.К. спрашивает: «Здесь живёт князь Путятин?» Е.И. пошла в комнату тётки и говорит: «Тётя, не то курьер, не то арендатор к тебе приехал». Та велела ей обратиться к лакею, чтобы он провёл его к мужу.

Вечером за чаем выяснилось, что это археолог какой-то, его ещё никто не видел. Тётя говорит: «Археолог, какое-то старьё, положить его спать у князя в кабинет». На другой день за завтраком гостя увидели, он оказался молоденьким, хорошеньким. И решили ему дать комнату для приезжих. Пробыл он там три дня. Е.И. говорит, что он расположил их себе тем, что дипломатично и тонко завёл разговор о старине фамилии Рерих и своего рода, а вся семья Путьяных увлекалась старинными родословными».

Из воспоминаний Наталии Владимировны Шишкиной.

Эти воспоминания Наталии Владимировны Шишкиной записаны ею в Караганде, в Доме инвалидов, и датированы 1956 годом... Более чем полувековой промежуток между событиями и записью вызвал неизбежные в таких случаях неточности. Вместе с тем запись очень ценна как наличием мало известного фактического материала, так и указаниями на возможные новые каналы его поисков...

(П.Ф. Беликов)¹

Елена Ивановна, урождённая Шапошникова по отцу и правнучка великого полководца, героя 1812 года Михаила Илларионовича Кутузова - по матери своей. Мать Елены Ивановны - Екатерина Васильевна Голенищева-Кутузова.

Елена Ивановна рано лишилась отца, была единственной дочерью у родителей и жила с матерью вдвоём. Они обе очень любили друг друга, и мать её, очень добродушная, милая старушка, сохранившая свою былую красоту, не могла налюбоваться на свою «Ляличку», как её тогда все и называли. Да и не только мать восторгалась ею. Все, кто ни встречал Е.И., не могли равнодушно пройти, чтобы не обратить внимание на её выдающуюся наружность.

Полная изящества, женственности, грации и какого-то внутреннего обаяния всего её облика, она невольно притягивала к себе все взоры. У неё были роскошные светло-каштановые, с золотым отливом волосы и пышная причёска, высокая по моде того времени....; когда она улыбалась, а улыбалась она часто, всё лицо её освещалось теплом и лаской. Но что было самое притягательное в её лице, - это её глаза, тёмно-карие, почти чёрные, миндалевидные, продолговатые; как бывают у испанок, но с другим выражением. Это были лучезарные очи с длинными ресницами, как опахала, и необычайно мягким, тёплым, излучающим какое-то сияние, взглядом.

Глаза её иногда щурились, как будто грелись на солнце, и мягкое, тёплое, ласковое выражение их озаряло и её саму, и всех окружающих, кто в данный момент смотрел на неё. У неё был очень мелодичный и нежный голос и всегда очень ласковое обращение, любила она называть уменьшительными именами близких ей людей....

В ней было какое-то очарование, шарм, и необычайная женственность всего её облика. Любила наряды, всегда по последней моде одетая, очень элегантная; носила серьги, ожерелья и вообще драгоценные украшения. В ней было сильно развито чувство красоты, которую она всюду проявляла как своим внешним обликом, так и своим внутренним содержанием. Жили они с матерью в тогдашнем Петербурге, и вела она очень светский образ жизни, но всегда имела вид наблюдающей жизнь, ищущей чего-то другого, более вдохновенного, более глубокого содержания; у неё были какие-то искания, и пустая, светская шумная жизнь её не вполне удовлетворяла.

¹ П.Ф. Беликов «РЕРИХ» (Опыт духовной биографии). Новосибирск, 1994 г.

Тут надо сказать несколько слов о её родне, семье её тётки, родной сестры её матери, Евдокии Васильевны, урождённой тоже Голенищевой-Кутузовой, Евдокия Васильевна обладала необычайно красивым колоратурным сопрано и пела с огромным успехом в опере Мариинского театра в Петербурге. В неё влюбился богатый князь Митус(ов), заплатил театру громадную неустойку, она ушла со сцены и вышла за него замуж. Но это был человек с тяжёлым характером. Они развелись, и Евд. Вас. вышла замуж за князя Путятину, который нуждался в матери своим двум сыновьям. От этого брака у них были две дочери. Искусство музыки и пения царило в их доме, пели и дочери и она сама. Дом их напоминал дом Ростовых в «Войне и мире». Вот та обстановка, в которой Елена Ивановна проводила свою молодость. У кн. Путятин был свой особняк в Петербурге и имение в Новгородской губернии. Они вели великосветский образ жизни. У них были блестящие балы, и, конечно, на этих балах всегда бывала Е.И., всегда в красивом бальном туалете, - она мало танцевала, больше сидела где-нибудь в конце зала, окружённая толпой поклонников. У неё было много завистниц её успехам в обществе, много предложений выходить замуж. Один очень блестящий молодой человек, бывший лицеист, единственный сын у родителей, миллионер, ему принадлежало Общество Пароходства на Волге «Самолёт». Он был без памяти влюблён в Е.И., делал ей предложения, но и он получил отказ. Все окружающие её и её родные, не могли этого понять: как отказать такому жениху, о котором так мечтали все петербургские красавицы.

Но она говорила, что поставила себе задачей в жизни выйти замуж за человека - знаменитого служителя искусства, будь то музыкант, певец, художник, живописец или скульптор, но непременно человек с высшим дарованием и талантом. И вот её желание исполнилось. Лето её мать и она всегда проводили в имении кн. Путятин, у её тётки, станция Бологое, Новгородской губернии, на берегу прекрасного озера, в 22 км в окружности. Сам кн. Путятин был археолог, член, а может быть, и председатель «Общества археологов» в Петербурге. Новгородская губерния богата раскопками очень древних наслоений ископаемых. К нему часто наезжали другие археологи. Однажды семья Путятиных отправилась в свою деревенскую баньку, построенную тут же на краю парка, на берегу озера. Е.И. первая вернулась и, проходя через переднюю, увидела в углу сидящего человека; она машинально взглянула на него и прошла мимо, приняв его за охотника или за одного из служащих кн. Путятин. Сам Путятин был в это время в отъезде, тоже по делам раскопок, уехал туда на несколько дней. Она не очень большое внимание уделила сидящему, ожидающему человеку, но этот скромно сидящий человек, с огромным удивлением перед её красотой, поглядел на неё. Она шла с распущенными после мытья волосами, которые как длинная пелерина, окутывали до низу её стан. Вернувшись из бани, вся семья села за стол в столовой ужинать, и тут только Е.И. вспомнила, что в передней «сидит какой-то человек, приехавший, должно быть, по делу к дяде». Спohватившись, пошли к нему, пригласили его к столу. Это был невзрачно одетый, в охотничьих высоких сапогах, куртке и фуражке, человек, очень скромно назвавший свою фамилию - Рерих.

Из разговора выяснилось, что он и есть знаменитый в то время художник Рерих, чьи картины уже были в Третьяковской галерее в Москве и на выставках картин Петербурга, и что приехал он к старому князю-археологу по делам археологических раскопок, производимых в этой местности. Старик-князь задержался в пути, и несколько дней прогостил Рерих в их усадьбе в ожидании приезда князя. И вот за эти несколько дней решила вся судьба Е.И. Вот тот человек, которого так долго ждала её душа! Вот оно то вдохновенье, которого она так давно искала! Любовь взаимная решила всё! Рерих уехал счастливым женихом², а она сияла от счастья. По приезде

² 3) «Ошибочны указания на то, что НК. уехал в 1899 году из Бологого уже женихом Е.И. и осенью этого же года они повенчались в Петербурге. Бракосочетание состоялось двумя годами позже (28 октября 1901 г.) после возвращения НК. из Франции». (П.Ф. .Беликов, «Рерих», с.36)

осенью в Петербург, когда все съехались, состоялась их свадьба в церкви при Академии художеств, на Васильевском острове. Е.И. сама приезжала приглашать гостей к себе на свадьбу. Поселились молодые люди в здании «Поощрения художеств» на Большой Морской, где Рерих имел казённую квартиру. От этого брака было у них два сына: Светик и Юрик, как она, нежная мать, их называла.

Как-то летом, спустя много времени, Рерихи наняли в красивой усадьбе Новгородской губ. дом на лето, за отсутствием хозяев. Катаясь, мы заехали к ним. Е.И., очень милая и любезная хозяйка, после чая вынесла на террасу две картины, из них одна – «Ноев ковчег», другая – «Иов три дня во чреве кита» - в тёмных библейских красках и тонах, та и другая. Н.К. картины рисовал, а комментарии к ним писала Е.И., длинные пояснения, прилагаемые к каждой картине, их символическое значение и толкование. Написаны они были на длинных лентах бумаги, напоминавшей древние папирусы. Так вдохновляла Е.И. своего мужа, и так вдохновлял он её. В нём она нашла то, к чему стремилась.

С самого первого года замужества она проводила лето на раскопках Новгородской губернии. Живя с ним в землянках, просто одетая, как того требовала их совместная работа, на удивление всех родных её, которые не понимали, как она могла мириться с такими, на раскопках (конечно, только летом), первобытными условиями жизни.

И так всю жизнь прошли они рука об руку. Полную взаимного понимания и любви. Вот где настоящий брак двух любящих сердец и душ!

Когда скончалась её мать, после трудной операции, все собрались на панихиду. Е.И., облачённая в траур, но не в креп, как обыкновенно, а в длинную шелковистую, как фата, ткань, и в ней она была очень женственна и хороша. Она во всём всегда, и в том, что касалось её внешности, соблюдала красоту своей одежды. Такой она сохранилась в памяти, такой её все помнили. Позднее она писала своей подруге, другой двоюродной сестре Р., дочери третьей сестры – Людмилы Васильевны, рождённой также Голенищевой-Кутузовой. С этой двоюродной сестрой она была особенно близка и дружна. Эта её кузина не была так красива, как другие её родственницы, но была очень умна, талантливая поэтесса и переводчица новелл иностранной литературы, хорошо знавшая иностранные языки. Е.И. тоже их знала и много позднее встретила свою бывшую гувернантку французского языка, парижанку, и хотя эта француженка была очень мало образованная, тем не менее Е.И. очень радостно её приветствовала, на что указывает её простота обращения со всякого рода людьми.

В своих письмах к своей любимой сестре, уже из Индии, она писала, что вся предается изучению новых откровений, которые так долго искала её душа. И что она уже никогда не покинет той страны и останется там навсегда, лучезарная, светлая и счастливая своими духовными высшими достижениями. Вот и всё, что подсказала память о давно прошедших годах».³

Публикуется по изданию: П.Ф. Беликов, «Рерих» (Опыт духовной биографии). Новосибирск. 1994.

³ 3) «Не соответствует действительности то, что Н.К. и Е.И. после свадьбы поселились на Большой Морской. На эту квартиру они переехали в 1906 году, после назначения НК. директором Школы Общества Поощрения художников. Сам НК. упоминает, что ещё в 1905 году они жили в доме Кенига. На Пятой линии Васильевского острова». (П.Ф. Беликов, «Рерих», с. 37).

⁴ 2) «Рисунков или картин «на длинных листах бумаги», о которых пишет Н.В. Шишкина, мы не знаем по самым подробным спискам произведений Н.К., как эти, так и предыдущие годы. Не известны также и письменные комментарии Е.И. к картинам Н.К., поэтому здесь мы имеем дело или с чем-то утерянным, или с ошибкой мемуариста, вызванной дальностью времени». (Там же).

ПРИЗНАНИЯ...

Из письма Николая Рериха к Антокольскому Л. (6 Ноября 1899 г.):

«Между прочим, всё более и более разочаровываюсь в женщинах. Самые лучшие из них всё-таки не выше среднего, - сие печально»...

Из дневника Николая Константиновича:

30 ноября 1899 г.

«Сегодня была Е.И. в мастерской. Боюсь за себя – в ней очень много хорошего. Опять мне начинает хотеться видеть её как можно чаще, бывать там, где она бывает».

Н.К. Рерих в своей мастерской перед картиной «Поход». 1899.

6 декабря 1899 г.

«Вчерашний вечер не даёт покою. Кажется [Зачёркнута целая строчка]... Хочется видеть постоянно. [Опять зачёркнута] ...чувства.»

10 декабря 1899 г.

«Кажется, что-то серьёзное выходит к Е.И.»

31 декабря 1899 г.

«Вчера 30-го сказал Е.И. всё, что было на душе....
... Сейчас Новый год. В нём у меня, должно быть, много нового.»

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/13.

1900 г.

* * *

- "Ваша собственная характеристика:
 - **"Странник".**
- Ваше представление о счастье?
 - **Найти свой путь.**
- Ваше представление о несчастье?
 - **Быть непонятым.**
- Где бы Вы хотели жить?
 - **На родине.**

*(Запись Н.К. Рериха в альбоме-вопроснике сестёр Шнейдер 31 мая 1900 г.)
В. Сидоров. «Против течения». М. 1994.*

* * *

«... В 1900 году, попав в Париж, певец старины, вызыватель теней мудрого прошлого Н.К. Рерих остаётся холоден перед модернистическими крайностями того времени – и не удивительно: перед художником лежат пути, по коим никто ещё не ходил.

По возвращении из Франции Н.К. Рерих даёт в Академии и в обществе Мир Искусства две крупные группы своих картин – и в сознании русской публики отныне им занято совсем особое и по характеру, и по масштабу место».

Д. Бурлюк «Творчество Рериха», 1924.

3 Января 1900 г., СПб.

Письмо Н.К. Рериха к Елене Шапошниковой:

Лада моя, хорошая моя Лада, могу ли я приехать прямо из мастерской?
Этот безобразный вечер, кажется, не хочет наступить.

Всеми помыслами

Твой Н. Р.

3/1 1900

Отдел рукописей ГТГ, Ф. 44/149, 1 л.

(Письмо написано на голубой тиснёной бумаге)

ХРОНИКА⁴

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ НОВОСТИ

«Гвоздём предстоящей весенней выставки в Академии художеств будет, вероятно, большое полотно художника Н.К. Рериха под названием «Поход». Художник задался целью изобразить на картине состояние русского войска во время так называемого «удельного периода». Картина изображает холм, по которому поднимаются войска. Войска идут вяло, с поникшими головами. В каждой фигуре чувствуется нерешительность, вялость – характерные признаки тогдашнего состояния наших ратников. Даже собаки на первом плане картины, и те как будто прониклись общим вялым настроением. Впечатление от картины таково, что – налети сейчас на это войско с дюжину «злых татаровьев», и всё войско рассыплется как прах... Пейзаж – серенький и однообразный, как нельзя более в тон с фигурами, и дополняет общее впечатление этой интересной картины.

Россия. 1900. 21 января / 2 февраля. № 266.

РУССКИЕ ХУДОЖНИКИ НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКЕ В ПАРИЖЕ

На днях Императорская академия художеств отправляет через главный комиссариат русского отдела парижской выставки одобренные специальной комиссией из профессоров Академии художественные произведения следующих художников: *[Список художников по алфавиту]*<...>, Н.К. Рериха (Славянские старшины»), <...>.

Все эти художественные произведения, которые одновременно фигурировали на выставках в Петербурге и в других русских городах, отправляются через главный приёмный пункт в Петербурге. Кроме этих произведений, в Париж будут отправлены художественные произведения русских и финляндских художников через отправительные пункты – Варшава и Гельсингфорс – в конце января или в начале февраля.

Биржевые ведомости. 1900. 23 января / 4 февраля. № 22.

⁴ Здесь и далее рубрика «Хроника» публикуется по изданию: Николай Рерих в русской периодике. Вып. 1. СПб. 2004.

14/26 января 1900. «Новое время».

Н. Рерих

ИКОННЫЙ ТЕРЕМ

(Этюд)

На Москве в государевом Иконном тереме творится прехитрое и прекрасное дело. Творится в тереме живописное дело не зря, как-нибудь, а по уставу, по крепкому указу, ведомому самому великому государю царю и государю патриарху. Работаются в тереме планы городов, листы печатные, исполняются нужды денежного двора, расписываются болванцы, трубы, печи, составляют расчёты, но главная работа - честное иконописное дело; ведётся оно по разному старинному чину. Всякие иконные обычаи повелись издавна, со времён царя Ивана Васильевича, со Стоглавого собора и много древнее ещё — от уставов афонских.

По заведённому порядку создаётся икона. Первую и главную основу её положит знаменщик и назначит на липовой или на дубовой доске рисунок. По нему лицевщик напишет лик, а долицевщик - доличное всё остальное: ризы и прочие одеяния. Завершит работу мастер травного дела, и припишет он вокруг святых угодников небо, горы, пещеры, деревья; в проскрёбку наведёт он золотые звёзды на небо или лучи. Златописцы добрым сусальным золотом обведут венчики и поле иконы. Меньшие мастера: левкащики и терщики, готовят левкас, иначе говоря, гипс на клею для покрытия иконной холстины, мочат клей, трут краски и опять же делают всё это со многими тайнами, а тайные те наказы старых людей свято хранятся и роде, и только сыну расскажет старик, как по-своему сделать левкас или творить золото, не то даст и грамоту о том деле, но грамота писана какой-нибудь мудрёной тарабарщиной. Подначальные люди готовят доски иконные, выклеивают их, выглаживают хвощом; не мало всякого дела в Иконном тереме и меньшему мастеру терщику, не мало и дьяку и окольничему, правящему теремное приказное дело.

Шибко идёт работа в тереме. А идёт шибко работа за то, что великий царь всея Руси Алексей Михайлович подарил иконников окружную грамотою, сам бывал в тереме и часто жалуется тщаливых мастеров своею царскою брагою да романею, платьем знатным и всякою прочею милостию. Но не только за царскую ласку идёт живописное дело с прилежным старанием, а и потому, что дело это свято, угодно оно Богу, прияло честь от самого Христа Господа, «аще изволих лицо свое на убрусе Авгарю царю без писания начертати», почтется оно и от святых апостолов, и работают живописное дело люди всегда по любви, не по наказу и принуждению.

Утром, на восходе красного солнышка, от Китай-города из Иконной улицы, где живёт много иконников, гурьбами, дружно идут на работу мастера, крестятся на маковки храмов кремлёвских и берутся за дело. Надевают замазанные в красках да в клею передники, лоб обвяжут ремненным, либо пеньковым венчиком, чтобы не лезли в глаза масляные пряди волос, и творят на ногтях или на доске краски. Кто работает молча, насупясь, кто уныло тянет стихиры, подходящие под смысл изображения, иной же за работой гуторит, перекидывается ласковым, либо спорным словом с товарищем, но письмо от таких разговоров порухи не терпит, ибо знает своё дело рука; если же приходится сделать тонкую черту или ографить рисунок прилежно, то не только спор замолкает, а и голова помогает локтю и плечу вести линию, сам язык старательствует по губам в том же направлении. Не божественные только разговоры, а мирские речи ведут иконники и шутки шутят,

но шутки хорошие, без скверного слова, без хулы на имя Господне и честное художество.

Собрались в тереме разные мастера и жалованные, и кормовые, и городовые всех трёх статей; на статьи делятся иконники по своему художеству - иконники первой статьи получают по гривне, мастера второй статьи по 2 алтына по 5 денег, а третьестепенные иконописцы по 2 алтына по 2 деньги. Кроме денег иконникам идёт и вино дворянское, и брага, и мёд цеженный, а с кормового да с хлебного двора яства и пироги.

Некоторые именитые изографы: Симон Ушаков, Иосиф Салтанов и другие прошли не в терем, а в приказную избу оружейной палаты — там они будут свидетельствовать писание новопривывшего из Вологды молодого иконника и скажут про него изографы: навычен ли он писать иконное изображение добрым, самым лучшим письмом, а коли не навычен, то дьяк объявит неудалому мастеру, что по указу великого государя он с Москвы отпущен и впредь его к иконным делам высылать не велено, а жить ему на Вологде по-прежнему.

* * *

Промеж работы ведутся разговоры про новую окружную грамоту. Сгорбленный, лысый старик изограф с картофельным носом, важно подняв палец, самодовольно оглядывает мастеров и твердит место грамоты - видно, крепко оно ему полюбилось:

- «...Тако в нашей царской православной державе икон святых писателие тщаливии и честнии, яко истинние церковницы церковного благолепия художницы да почтутся, всем прочиим председание художникам да восприимут и кисть различноцветно употребленна тростию или пером писателем да предравенствуют». Не всякого человека почтит великий государь таково ласковым словом!

- Да так и во все времена было. Ещё Стоглав велит почитать живописателей «паче простых человек».

- А что такое паче? Коли перед простым человеком шапку ломаешь, то перед иконником надо две сломать?

- И кто есть простой человек? Я скажу, что сам боярин при живописателе человек простой, ибо ему Бог не открыл хитрости живописной.

- Коли не твоего разума дело — не суесловь; всякому ведомо, что есть почитание иконописцев, честных мастеров. Почитаются они и отцами духовными, и воеводами, и боярами, и теми людьми, — вступился старик и похваляется тем, что сам антиохийский патриарх Макарий челом бил государю на присылке икон, вот-де каково русское иконописание, а того не вспомнил старый, что патриарху иначе и негде было бы удобнее докучиться об иконах. (Впрочем, это рукоделию московских изографов — не в укор сказано.)

Говорят и дивуются мастера, как выходец шаховой земли изограф Богдан Салтанов повёрстан по московскому дворянскому списку; такому делу, чтобы иконник верстался в дворяне - ещё не бывало примера. О Салтанове голоса разделились: одни подумали, что пожалован он за доброе художество, другие подумали, что за принятие православной веры. От шахового выходца Салтанова заговорили и о прочих всяких иноземцах; вспомнили, как непочтительно отнеслись некоторые из иноземцев к благословию патриарха и как за то патриарх разгневался и приказал им по одежде быть отличными от русских людей. Одни не прочь и за иноземцев, а другие на них — зачем-де часто великий государь жалует заморских мастеров лучше, Чем своих, а по художеству и свои, часом, не хуже взбодрят.

- Вон, поди, лопуцкого мастера хвалили, нахвалили, а он того доучил, что сами ученики его челобитье подали, как мастер их живописному мастерству не

учил. И была то не выдумка, а правда, после чего поотнимали у него учеников и отдали Даниле Вухтерсу.

Особенно нападает на заморских мастеров длинный иконник с ременным венчиком на прямых льняных волосах; по его речи выходит, что нечего иноземцам потворствовать, коли своим жалованья не хватает, и указывает ни на Ивашка Соловья, иконника оружейной палаты, отставленного за скорбь и старость, и как скитался он сам-четверт с женишкою и с робятишки между двор, где день, где ночь, и ноги босы, о чём и челобитье писал Соловей государю и просился хоть в монастырь поступить.

Но длинному возражают, на память приводят, как государь и патриарх входят даже в самые мелкие нужды иконников, коли до них дело доходит:

- Так-таки и отписал патриарх: Артём побил мужика Панку, от воров боронясь, хотя бы и больше перерезал, от них боронясь, всё же малая его вина.

- Что говорить, грех государю, коли об иноземцах паче своих брежение имеет, и свои государеву пользу блюдут накрепко: Ушаков, как отрезал, - боярам сказал, что грановитые палаты вновь писать самым добрым письмом прежнего лучше или против прежнего в такое время малое некогда: приходит время студёное, и стенное письмо будет не крепко и не вечно. И ведь все думали, что переписывать осенью станут, а как Симон-от отрезал, так и отложили.

Двери Иконного терема висят на тяжёлых кованных петлях, лапка петель длинная, идёт она во всю ширину двери, прорезная узором. Заскрипели петли - отворилась дверь, пропустила в терем старых изографов и с ними боярина и дьяка. Пришли те именитые люди с испытания; сего ради дела изографы разоделись в дорогую жалованную одежду: однорядки с серебряными пуговицами, ферези камчатные с золототкаными завязками, кафтаны куфтерные, охабни зүфные, штаны суконные с разводами, сапоги сафьяновые - так знатно разоделись изографы, так расчесали бороды и намазали волосы, что и не отличишь от боярина.

На испытание вологжанин, крестьянский сын Сергушко Рожков, написал вновь иконного своего художества воображение, на одной дуге образ Всемилоствитого Спаса, Пречистая Богородицы и Иоанна Предтечи. И по свидетельству московских изографов Симона Ушакова со товарищи, Сергушко оказался мастер добрый. Иконники окружают нового товарища, спрашивают, кто у него поручники, потому за новопринятого должны поручиться иконники бывалые, должны поручиться в том, что если Сергушко у государевых иконописных дел быть не учнёт или сбежит или забражничает, и на поручниках пеня Государя царя; расспрашивают, откуда Сергушко родом, каково теперешнее художество на Вологде, как живут мастера вологодские, и слушают сергушкины сказки. Сергушко рассказывает, что Матвей Гурьев иконник обманом ушёл из Знаменского монастыря с Вологды и живёт на Тотьме, Агей Автомаков, да Дмитрий Клоков устарели, Сергей Анисимов стемнел, а которые иконники сверх того есть, и те у государева иконного и у стенного и ни у какого письма не бывают, потому что стары и увечны и писать никакого письма не видят и разошлись в мир для ради недороды хлебные кормиться Христовым именем, ибо люди они старые, и увечные, и скудные, и должные. Слушают иконники невесёлые вологодские сказки, глядят на старый кафтан Сергушкин; неуместен такой кафтан в светлом тереме, смешны заплатки при золототканых окротах. Помялись, потупились и опять расспрашивают Сергушку, каким письмом пишут иконы по вологодским сёлам и заглушным местам, не пишут ли там иконы с небрежением, лишь бы променять тёмным поселянам невеждам? Хранят ли древние переводы? - об этом-де дал государь грозную грамоту, когда дошла до него весть о неискусных живописцах холуйских.

С окольничим разговаривает только что вошедший в терем заморский мастер цесарской земли Данило Вухтерс; подошёл он к боярину с низкими поклона-

ми, хитро, выгибая тонко обутые ноги, и говорит (толмач переводит), а смысл его речи такой, что, мол, ради пресветлой неизреченной милости царя и многомилостивого и похвального жалованья решился он на трудную поездку в Московию; улаживается Вухтерс с боярином, сколько он будет получать жалованья; порешили: будет получать Вухтерс - денег 20 рублей, ржи 20 четвертей, пшеницы 10, круп грешневых четверть, гороху две чети, солоду 10 четей, овса 10 четей, мяса 10 полоть, вина 10 вёдер. Поскулил Вухтерс набавить 5 белужек, да 5 осетров - набавили и напишут поручную - будет Вухтерс учить русских мастеров писать мастерством самым мудрым.

Отошёл боярин от Вухтерса и теперь решает с дьяком и с жалованными мастерами: откуда способнее вызвать иконников на время росписи Успенского собора, ибо для этой работы не хватит теремных и городских мастеров московских. Степенно приказывает боярин дьяку:

- Изготовь, Артамон, грамоту во Псков, чтобы сыскали по росписи и сверх росписи иконописцев всех, что ни есть: и посадских людей, и боярских, и княжеских, и монастырских, и торговых, и всяких людей, у кого ни буди, только чтобы стенном церковному письму прорухи не было.

Сыскать и вызвать мастеров надо неспроста, надо наблюсти строгую очередь, иначе будут жалобы, что-де, иным иконописцам в дальних волокитах чинятся многие убытки и разоренье, а других вовсе к стенному письму не емлют. Хорошим мастерам везде дело есть; добрыми мастерами всякий дорожит; с великим нехотеньем отпускают их в ненасытную Москву. Лишь бы сохранить иконника, и воеводы и даже духовные люди - игумены и архиереи - идут на обман, готовы сообщить в Государев терем облыжные сведения, нужды нет, что их уличат в бездельной корысти и шлют к ним самопальных с грозными указами, а святые отцы и государевы слуги всё же покажут добрых мастеров в безвестном отсутствии и укроют их в монастырских кельях — уж такая всюду необходимость в истинствующих иконниках.

* * *

- Смилуйся, пресветлый боярин, не дай вконец разориться! — пробирается к боярину ободранный мужичонко и, дойдя, кланяется земно.

- Докучаюсь тебе, боярин, о сынишке моём, иконной дружины ученике. Смилуйся, отец, на парнишку! Вконец изведёт его мастер корысти ради, и грозы нет на него, потому и сбежать от него невозможно — больно велика пеня показана. Вот и список с поручной.

Дьяк принимает поручную; молча просматривает её, сквозь зубы процеживает: «Дожив своих реченых лет, не сбежать и не покрасть» — и вполголоса читает боярину:

- ... а будет сын его Ларионов, не дожив урочных лет от меня пократчи сбежит, взяти мне в том Ларионе по записи за ряду двадцать рублей». Да, пеня немалая проставлена, уж пятнадцать рублей и то большая пеня, В двадцать и того несообразнее. «А дело-то в чём?» — спрашивает дьяк, недовольный, что судьбище будет при всех, при боярине, и не придётся ему, дьяку, распорядиться с челобитчиком по-своему, по-приказному, и не будет ему, дьяку, никакой пользы.

- Бью челом на мастера иконного Терентия Агафонова, — зачистил мужичонко, - что взял парнишку моего в учение, и тому пошёл без малого год третий, а живописному письму не учил, только выучил по дереву и по полотнам золотить. И ученье мастера этого негожее; учит он не в ученика пользу, а в свою; промеры телесные даёт неверные, ни ографить, ни знаменить искусно, ничему не учил. А что парнишко напишет добрым *письмом* по своему разумению, и то мастер альбо похуляет, альбо показывает работой ученика иного, своего племянника, и моему парнишке ни пользы, ни чести не выходит. И на том смилуйся, боярин, и, по-

жалуй, взять мне парнишку моего Ларивонку домой без пени! - кланяется мужичонко, а позади его выдвигается тощий человек в тёмной однорядке и, заложив руку за пазуху, кашлянув, переминаясь, начинает:

- И в учении Стоглавого собора в главе 43 сказано есть: аще кому не даст Бог такового рукоделия, учнёт писати худо или не по правильному завещанию жити; а мастер укажет его горазда и во всём достойна суца и показывает написание иного, а не того, и святитель, обыскав, полагает такового мастера под запрещением правильным, яко да и прочий страх примут и не дерзают таковая творити. - Сказано есть во Стоглаве, а посему повинен мастер Агафонов, что дружит ко своему племяннику и тем неправое брежение к Государеву делу имеет. Племяннику его не открыл Бог рукоделия, и коли Агафонов своею нелепою хитростью устроит племянника своего в тереме, и на том царскому делу поруха...

- А ты что за человек? — перебивает его дьяк.

- Он, значит, свояк мой Филипко; парнишку моего жалко ему. Ен, парнишко-то, добрый, да вот неудача в мастере вышла, прости, Создатель! А что Агафонов на племяннике на своём душою кривит — это точно, и племянник-от его живёт бездельно, беспутно шапствует, а парнишко мой за него виноват.

- Челобитье твоё большое и хитрое, — нахмуривается боярин (и нахмуривается не тому, чтобы жалел царское дело, а тому, что не скоро придётся ему уйти из терема домой). - На народе негоже судиться, идите в Приказную избу; туда позвать и Терентия; он где работает? Здесь? — распорядился боярин.

- Терентий не в тереме сейчас пишет, а в пещерах от Красного крыльца.

-Посылайте за ним; пусть не мешкает, бросает работу и бегом идёт в Приказ, — уходит боярин, с ним дьяк и челобитчики.

Иконники притихли; знают, что над товарищем стряслось недоброе, но знают и то, что недоброе это заслужено, хотя не только Терентию, а и некоторым иным мастерам грозит та же гроза за дружество и милость к своим родным.

- Да, — решает Симон Ушаков, а все знают, что Симон зря слова не скажет, - всё-то корысть, всё-то шапство, а любви к делу не видно. Продаёт Терентий хитрость свою живописную, богоданную, только о себе думает: и поделом ему, коли наложат на него прещение и будет он сидеть без работы. Не завидуй; веди своего ученика честно, не криви душой, не укрывай таланта. Недаром не любили молодые Терентия!

Молчат иконники; многие понурили головы, глядят на работу, не поднимают глаз. Думается им: «Хорошо говорить Симону, не все такие, как он», - а они уже не любят Ушакова, зачем он знатен в художестве, зачем все слушают его, зачем он говорит правдивое слово. Но, слава Богу, думают так не все, и больше половины искренно кивают головою Симону на добром слове его. Такими мастерами, как Симон, и держится живописное дело. Теперь не так скоро опять загудит говор, не так скоро усмехнется кто-нибудь. В полдень отобедают, отпужинают, а там и до конца работы недолго.

* * *

В углу старый иконник — борода крупными куделями упала на грудь, нос сухой с горбинкой, глаза глубоко запали в орбитах — протяжно ударяя на "о", поучает молодого:

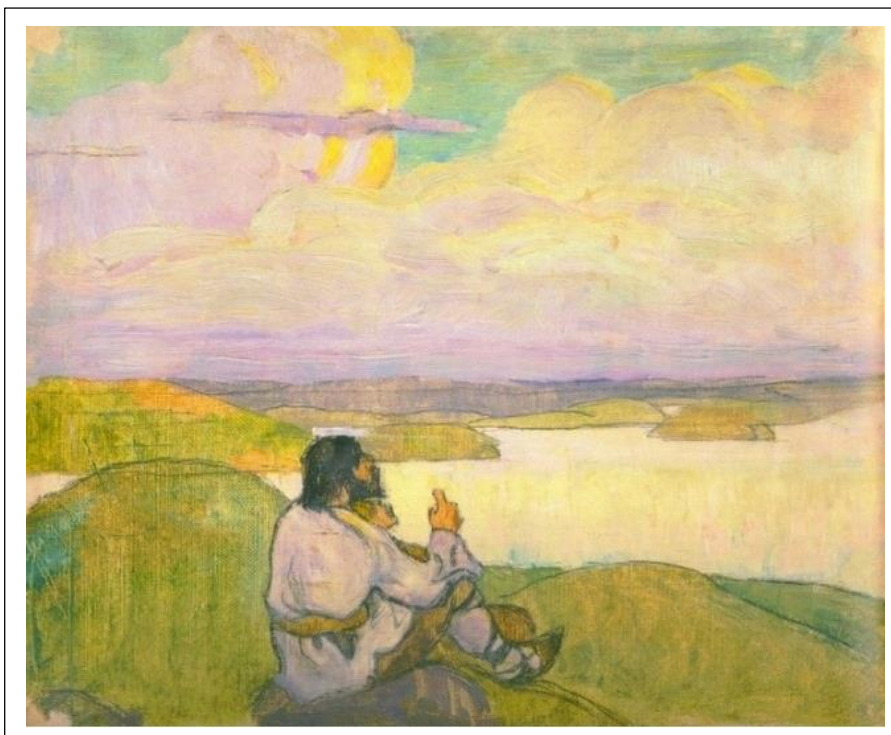
- ...дали ему святую воду и святые мощи, чтобы смешали святую воду и святые мощи с красками, написал святую и освящённую икону. И он писал сию святую икону и только по субботам да воскресеньям приобщался пици и с великим радением и бдением в тишине великой совершил её...

- Что-то Оленка? — мелькает о человеческом у молодого, а изогаф будто угадывает его мысли, ещё строже впивается в него своими стальными глазами и твердит внушительно:

- Спаси Бог нынешних мастеров! Многие от них пишут таковых же святых угодников, как и они сами: толстобрюхих, толсторожих, и руки и ноги яко стульцы у каждого. И сами живут не истинно, не помнят, да подобает живописцу быть смиренну, кротку, благоговейну, не празднословцу, не смехотворцу, не сварливу, не завистливу, не пьянице, не грабежнику, не убийце, но и паче ж хранити чистоту душевную и телесную со всяким опасением. А не можешь тако пребыти до конца, то женись по закону и браком сочetaйся и приходи ко отцем духовным и во всём извещайся и по их наказанию подобает жити в посте и молитвах и воздержании со смиренномудрием, кроме всякого зазора, и с превеликим тщанием пиши образ Господа; да мнутя люди страстями телесными, ты же, духовно ревнуя ко славе честного художества, подвизайся кистью и словом добрым. Не всякому даёт Бог писати по образу и подобию, и кому не даёт — им вконец от такового дела престати, да не Божие имя такового письма похуляется. И аще учнут глаголати: «Мы тем живём и питаемся», — и таковому их речению не внимати. Не всем человеком иконописцем быти: много бо и различно рукодействия подаровано от Бога, им же человеком препитатись и живым быти и кроме иконного письма... - поучает мастер.

Закату не осилить слюдяных оконцев. В тереме темнеет. Расходятся иконники. Не блестят венчики и узоры на ризах. Дрожат тёмные очертания ликов, и острее сверкают большие белые очи угодников. Сумрак ползёт из углов, закутывает серым пологом запасы иконных досок и холстины, смягчит тени станков. Истоиво и мерно звучит поучение о добром живописном рукоделии. Творится в Иконном тереме хитрое и красное дело.

Новое время. 1900. 14/26 января. № 8578. Пятница. С. 2.

Н.К. Рерих. Рассказ о Боге. [1900-е].